

Во время последней встречи Люба мне вручила стихотворение, которым я и завершаю это повествование:

С. ТУРАЕВУ

Тюмень, 1 августа, 1956 г.

*Мы снова встретились — и разойдемся снова:
У каждого своя судьба, свой путь.
За что-то жизнь ко мне была сурова,
И ничего нельзя обратно нам вернуть.*

*Я помню все, хотя прошло полвека,
И мне забыть тебя не суждено,
Жестокого, родного человека...
...Но в прошлое захлопнулось окно*

*И снова — ты в Москве, а я в Тюмени,
Ты — чей-то муж, я — верная жена...
Зачем тревожить эти злые тени,
Ведь осень близится, давно прошла весна.*

Москва, январь — март 2001 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Тураев С. В. Мои учителя, мои старшие коллеги // Вестник университета Российской Академии образования. 1998. № 2 (6). С. 174-190.

²Демьян Бедный, непонятно каким образом, уже в первые годы советской власти поселился в Кремле, заняв там большую квартиру, в которой разместил свою огромную библиотеку. Он был страстным библиофилом и еще до революции начал собирать книги. Публикуя свои сатиры, он однажды напечатал поэму, в которой высмеял Крещение Руси. Сталин этого не выдержал, сразу опубликовал в «Правде» заявление, в котором отмечал прогрессивный характер Крещения Руси и позицию Демьяна Бедного назвал грубо ошибочной. Авторитет Бедного был сразу подорван, и встал вопрос: почему он, собственно, живет в Кремле?

Его выселили, дали какую-то скромную квартиру, в которой не умещалось все его огромное собрание книг. Многие раритеты вскоре появились у букинистов.

³См. об этом в моих мемуарах «Мои учителя, мои старшие коллеги».

⁴Думал ли я, что через полвека поселюсь в этом самом доме!

⁵О Н. П. Верховском см.: Гетевские чтения. 1999. М., 1999. С. 254.

⁶В то время письма без марок не уничтожались на почте, а с получателя взимали двойную сумму стоимости письма.

⁷О самоотверженной работе Н. Верховского и В. Римского-Корсакова в Ленинградском радиокомитете писала Ольга Берггольц в своей книге «Дневные звезды».

Леонид Анатольевич Вараксин

ТЮМЕНЬ 1950–1960-х гг.: ГОРОД И СУДЬБА

(заметки филолога)

Т Почти вся моя жизнь связана с Тюменью. Это мой родной город. Где бы я ни жил в других местах, я не чувствовал себя дома. В Тюмени мы с мамой жили во время войны на углу улиц Полевой и Луначарского. Сейчас этого дома уже нет. Стоит стандартная пятиэтажка с «Тюменским кредитом» внизу. Сохранилось здание детского сада, куда я ходил пяти-, шестилетним. Это угол улиц Ирбитской и Луначарского.

Т. Л. Вершинина.
«Город». 1995

В 1943 году из Читы приехал отец (он служил в армии, был офицером) и увез нас в Забайкалье. Сначала жили в Чите, потом в Хабаровске, затем в военных городках, откуда нас, офицерских детей, возили в школу на американских «студебекерах» и «доджах».

В 1949 году отец получил назначение в г. Легницу (ПНР), и мы с мамой и моим младшим братом Саней опять оказались в Тюмени. Приехали мы сюда за три дня до нового, 1950 года.

В шестом и седьмом классах я учился в 25-й школе, а последние три года — в 26-й. Десять школьных лет я провел в десяти разных школах. Хуже всего было с иностранными языками: то немецкий, то английский, то французский, то вообще никакого...

Тюмень была в те годы маленьким городком. Со своим одноклассником Игорем Митинским (сыном известного художника Александра Павловича Митинского, который преподавал у нас рисование) мы прошагивали по дороге в школу пол-Тюмени. Он жил на самом берегу Туры, за зданием обкома партии, которое теперь занимает строительная академия, а я — на улице Татарской (ныне ул. Садовая). Изо дня в день мы ходили в школу пешком из Затюменки в центр. Редко-редко, не более одного раза в четверть, удавалось сесть на автобус. Их было два на весь город. Это были маленькие автобусы, в которых шофер длинной ручкой-рычагом открывал и закрывал дверь. Попасть на автобус было необыкновенным счастьем, и после таких поездок мы долго вспоминали о них. Оба автобуса ходили от ул. Толстого до ул. Холодильной. Это был да-а-алекий край города. Уже не Тюмень, а по сути — Тюменская область. Сам же город заканчивался линией железной дороги (теперь ул. Мориса Тореза). Там долгое время был переезд.

На наших глазах росли дома в центре города: дом, где сейчас находятся магазины «Обувь» и «Оптика» (угол улиц Республики и Водопроводной) и соседние дома. Их строили пленные немцы. Позднее начали строить четырехэтажное здание обкома партии, что за спиной чугунного Ленина. Долгое время там находилась керосиновая лавка, куда народ сбегался с бидонами и бутылками: в городе часто отключали свет. На месте теперешнего здания областной администрации (Дома Советов) был большой рынок, где можно было купить все — от петрушки до калош и велосипедов. От проходной части улицы рынок отделял длинный розовый забор.

В школе было интересно и... небезопасно, как в цирке с открытыми для львов клетками. 25-я школа была мужской. Очень мужской. Мужественной, я бы сказал. В классе — более двадцати четырнадцатилетних львов. Один на перемене зубрит историю или английский («Ой, сознательный какой!»), второй стреляет из трубочки жеваной бумагой, третий «усовершенствует» учительский стул, вбивая изнутри здоровенный гвоздь, а четвертый, вытащив из-за голенища длинный нож, стучит острием по парте, стараясь не попадать в пальцы растопыренной кисти.

Если предстоящий урок вела учительница, которую не очень любили (лучше сказать — жаловали), то в течение двух-трех минут наши одноместные парты (были тогда такие), поставленные одна на другую почти до потолка, наглухо баррикадировали входную дверь. Урок долго не начинался. В чувство наш дружный и очень сплоченный коллектив мог привести только директор. Он был фронтовик. Его уважали. Парты быстро находили свое место, и учительница, конвоируемая директором, робко входила в класс. Стоя у доски, она начинала рассказывать материал, со страхом взирая на стул с выглядывающим из сидения гвоздем.

Если были раздоры (а они случались каждый день, потому что параллельных классов было множество: А, Б, В, Г, Д, Е), то они заканчивались дуэлью во дворе, в старой конюшне. Как положено, были секунданты (целые классы). Дрались до первой крови...

Я уже сказал, что в школе было интересно. Это правда. И не только потому, что не раз устраивались прямо в классе турниры по боксу в настоящих спортивных перчатках. Чудесными были уроки рисования. Александр Павлович учил нас не только рисовать. Он учил думать, любить, жить. Необыкновенно интересными, просто захватывающими были для меня уроки русского языка. И не только для меня. Тогда, вскоре после войны, мы все были о ч е н ь русскими. Уроки иностранного проходили кое-как, но свой язык мы изучали истово. Русский язык и литературу преподавала Зинаида Дмитриевна Постникова. Конечно, были суффиксы, были приставки ПРЕ- и ПРИ- и т. д. Материал надо было учить основательно. Но за всеми этими чисто орфографическими делами Зинаида Дмитриевна открывала для нас мир русского языка, чарующий мир родного слова и объемное учение о грамматике и ее строгих, точных законах. Я уже не говорю об уроках родной литературы. Это было настолько интересно, ново и притягательно, что все мы сидели (редкое дело!) не шелохнувшись. Эту учительницу мы любили по-настоящему. И она любила нас. Все же, несмотря на грозный вид, мы были еще малы и нуждались в человеческом тепле и добром, ласковом слове.

Дни, когда Зинаида Дмитриевна приходила в класс, были светлыми, радостными. Послевоенные мальчишки, мы были заморожены ее уроками. Весь класс соскакивал с парт, только услышав ее голос в коридоре. Это правда, чистая правда.

В седьмом классе русский язык и литературу преподавала в нашем классе Таисья Дмитриевна Велижанина. Хрупкая женщина небольшого роста, она по-

корила нас. Таисью Дмитриевну отличало поразительное чувство родного слова. Ее речь была точной, четкой, необыкновенно выразительной, афористичной. Она умела расположить к себе людей. И хотя мы, ЕЕ ЛЮДИ, были очень разными, нас объединяло одно: мы очень любили ее. Думаю, не одно поколение выпускников 25-й школы вспоминает свою учительницу с любовью и благодарностью. Благодарностью за уроки языка, уроки литературы и уроки жизни.

В восьмом — десятом классе я учился в 26-й школе. До этого она была женской, а с 1951 года стала смешанной. Очень робко мы, восьмиклассники, входили в класс, где учились одни девочки. Они знали друг друга, а мы были из самых разных школ. Нелегко было привыкать к школе, ее порядкам, да и к одноклассникам. И опять необыкновенно повезло с учителями «изящной словесности». Литературу преподавала сначала Любовь Меркурьевна Аксюта, а позднее — Зоя Павловна Шарапова. Это были очень разные, но удивительно добрые, знающие учителя. Не выучить заданного на дом материала, не прочитать текста, не участвовать в обсуждении темы урока было просто невозможно. И мы тянулись как могли. Эти уроки будили жажду знать, прививали вкус к чтению, открывали новые книги и имена...

После школы была неудачная попытка поступить на журфак Уральского университета. Шестьсот двадцать пять человек на двадцать пять мест! Таков был конкурс. На нас, выпускников школ того года, презрительно посматривали тридцатилетние дядьки-журналисты. Они приехали с десятками публикаций, трясли своими статьями, вырезками из газет.

Не поступил! На устном экзамене по русскому языку удивил преподавательницу тем, что не читал «Марксизм и вопросы языкознания» Сталина. Сказалось критическое отношение, бытовавшее у нас в семье, к сатраповскому, тоталитарному режиму тех лет. Отец мой нередко рассказывал о жутких сценах коллективизации в деревне, где он рос, о страшной жизни в «коллективном раю». Да и об армейской жизни многое слышал от него... И я, пацан, был убежден, что рябой, сухорукий сатрап не может понимать что-либо в языкознании, приверженцем которого я себя уже считал. Так впоследствии и оказалось: работа была написана профессором Арнольдом Чикобава, грузинским лингвистом.

Через год я поступил на первый курс Тюменского пединститута. Стал студентом-филологом. На курсе было сто одиннадцать человек. Мы выросли, росли физически и профессионально. Все четыре факультета располагались в одном здании (сейчас его занимает администрация университета). Учились в две смены. Филологи, историки, физики, математики, биологи, географы, мы хорошо знали друг друга. Вместе проводили спортивные соревнования, вечера отдыха, выпускали огромные, длиною пять-шесть метров, стенные газеты. На весь сентябрь дружно отправлялись «на картошку». За пять институтских лет мне довелось четыре раза быть на уборочной (хлеб, картошка) и один раз на сенокосе.

Выучка на нашем факультете была очень основательной. Помню яркие, содержательные лекции Веры Николаевны Новицкой, Марии Алексеевны Романовой, Ивана Ивановича Саморукова, Бориса Ивановича Фоминых. Борис Иванович читал курс введения в языкознание, он же вел и практические занятия. Этот курс всегда считается трудным для студентов, но Борис Иванович, тогда совсем еще молодой преподаватель, вел его с блеском. Он очень любил свое дело, и мы это чувствовали. Став третьекурсником, я решил: «Пойду в аспирантуру. Буду читать введение в языкознание!»

Да, Борис Иванович сыграл большую роль в моей жизни. Когда я вернулся из армии, он пригласил меня работать на кафедру русского языка. Работать я начал со второго семестра, с 11 февраля 1963 года. А через год я уже читал введение в языкознание на факультете иностранных языков. Радости моей не было предела! Этот курс я читал более двадцати лет — в Тюмени, Уфе, Могилеве.

Через два с половиной года я поступил в очную аспирантуру на кафедру русского языка Самарского педагогического института. В тот год в аспирантуру по разным специальностям было принято около двадцати человек — ассистенты со всех факультетов нашего Тюменского пединститута.

Моим научным руководителем стал доктор филологических наук профессор Алексей Александрович Дементьев, великолепный ученый, историк языка. В своих изысканиях он был очень самостоятельным, никогда не поддавался «обаянию авторитета», на все имел собственное мнение. Поражал нас, аспирантов, его тонкий юмор. Мы чувствовали внимание Алексея Александровича как руководителя, но мелочная опека была ему чужда. Каждый из нас был увлечен своей темой и обсуждал с научным руководителем только принципиально важные вопросы.

Не забываю Алексея Александровича, не забываю его жизненных уроков. Рассказываю о нем своим студентам. Впрочем, они знают это имя. Ведь вся лингвистическая Россия давно уже постигает старославянский и древнерусский языки по его прекрасным книгам — четким, логически безупречным.

Диссертацию свою я написал вовремя. Она была обсуждена на заседании кафедры и получила положительную оценку. А через некоторое время пришла телеграмма от Бориса Ивановича, заведующего кафедрой: «Леонид Анатольевич, завершайте свои научные дела. Ждем работу». Было начало сентября 1968 года.

Владимир Геннадьевич Богомяков

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ТЮМЕНСКИХ УЛИЦ

*(фрагменты ненаписанной книги
«Тюмень земная и небесная»)*

Б 1. **Бюст.** Есть у меня такой друг Петр Журавков. В отличие от многих людей, которым угодно называться предпринимателями, а на самом деле они просто мелкие спекулянты, или алкоголики, не способные долго работать на одном месте, или аморальные типы, решившие по-легкому, с помощью одного шахермахера срубить денег, так вот, в отличие от всех этих людей, Петр Журавков — настоящий предприниматель. Чувствуется в нем природно-купеческая жилка.

И вот несколько лет назад на улице Советской построили магазин «Пассаж», обычное буржуазное заведение средней руки. И был бы «Пассаж» малоинтересным обыкновенным магазином, если бы не стоящий в нем бюст Петра Журавкова. Бронзовый бюст в стиле классицизма XVIII века, словно бы созданный Шубиным или Воронцовым. Петя изображен весьма, надо сказать, похожим, с браво закрученными усами и гордо приподнятой головой. И, чтобы никто не сомневался, на бюсте и выбито было «П. В. Журавков». Бюст стоял на великолепной подставке из малахита. Отношение посетителей магазина к нему было самым различным. Кто-то говорил недоуменно: «А это еще кто такой?!» Наверное, думал, что перед ним один из новых хозяев России вроде Чубайса или Авена. Другие, те, кто Петю знал, считали его одним из владельцев магазина, у которого началась мания величия, после того как фишка слишком хорошо легла.

На самом же деле произошло следующее. Некий человек хотел, чтобы власти отвели ему под строительство магазина место на улице Советской. А власти